

— Сяо Гуйцзы.

— Сяо Гуйцзы, время позднее, вставай же!

Ли Чанъгэ, который был целиком поглощен своими действиями в отношении девушки, вздрогнул. Откуда-то донесся голос этого старого мерзавца — вкрадчивый и зловещий, словно ядовитая змея, притаившаяся в тени и готовая нанести смертельный укус, стоит лишь потерять бдительность.

Движения Ли Чанъгэ замерли, в глазах промелькнуло замешательство. В следующее мгновение всё вокруг начало рассыпаться и таять. На душе стало невыносимо досадно: еще чуть-чуть, еще самую малость, и он бы...

Всего-то не хватило доли секунды. И всё из-за этого проклятого старика! Ну надо же было ему позвать именно сейчас, ни минутой раньше, ни минутой позже.

Ли Чанъгэ и сам не заметил, как за какие-то пару дней свыкся с мужским телом, хотя в прошлой жизни больше двадцати лет был женщиной, и даже начал получать от этого удовольствие. Впрочем, в той жизни он всегда мечтал однажды стать мужчиной — тогда бы ему не пришлось терпеть побои и придирки родителей. Теперь же его мечта осуществилась, пусть и таким странным образом.

Заметив, что дыхание Ли Чанъгэ сбилось, Хай Дафу понял, что тот проснулся, и неторопливо произнес:

— Раз проснулся, вставай и иди есть. Нечего затягивать с делами.

Ли Чанъгэ сделал глубокий вдох, стараясь подавить раздражение, открыл глаза, сел и в спину уходящему Хай Дафу с ненавистью сплюнул.

Он заметил, что тонкое одеяло на его теле приподнялось, образуя маленький шатер, а внутри стало как-то прохладно. Его белые, изящные щеки моментально вспыхнули. Он подумал, что это всё из-за ночных воспоминаний о семи женах Вэй Сяобао — разыгралось воображение, вот и приснился такой постыдный сон. Иначе с чего бы ему, человеку столь порядочному и доброму, приходило в голову такие грязные мысли?

Он отогнал эти сумбурные думы, тихонько сменил исподнее на чистое, мысленно выругал прежнего владельца тела и решил притвориться, что ничего не было — со временем само пройдет. К счастью, полы халата евнуха были широкими, так что если их не задирать и не позволять никому садиться себе на колени, никто не догадается, что он липовый евнух.

Ли Чанъгэ оделся, обулся и, глянув на залитый солнцем подоконник, удивился: проспал до полудня. Неудивительно, что чувствует себя таким бодрым, отдохнувшим и полным сил. Надо признать, место, где жил Хай Дафу, летом было настоящим сокровищем: здесь всегда было прохладно, не приходилось обливаться потом и мучиться от бессонницы. В древности ведь ни

вентиляторов, ни кондиционеров не водилось, приходилось полагаться на старую мудрость: в покое и сердце прохладно.

Умывшись и позавтракав, он, как обычно, прихватил серебро, сходил поиграть в азартные игры, одолжил денег братьям Вэнь, а затем отправился на встречу с Сяо Сюаньцзы.

Войдя в тренировочный зал, Ли Чанъгэ огляделся — никого. Решив, что Канси еще не пришел, он закрыл за собой дверь. Только он подошел к столу с закусками и успел откусить кусочек лакомства, как из-под стола выскочили чьи-то руки и с силой дернули его за ноги. Ли Чанъгэ рухнул на пол, а кусок угощения встал в горле.

— Кхе-кхе... кхе... ты... Сяо Сюаньцзы... — Ли Чанъгэ с силой ударил себя в грудь и с трудом проглотил застрявший кусок.

Придя в себя, он указал на торжествующего Канси, который стоял, подбоченившись и заливаясь смехом. Мальчишка был в новом роскошном наряде, а его живые глаза хитро блестели. Ли Чанъгэ вскрикнул:

— Сяо Сюаньцзы, берегись ладони!

Канси, конечно же, попался: решив, что Ли Чанъгэ сейчас ударит, он тут же принял защитную стойку. Однако он никак не ожидал, что это лишь отвлекающий маневр.

Пока Канси во все глаза следил за руками Ли Чанъгэ, тот резко подал корпус вперед, присел и с размаху нанес мощный удар ногой по ногам противника. Канси, чье внимание было приковано к верхней части тела соперника, просто не успел среагировать.

Раздался глухой звук, и Канси повалился на пол. Увидев возможность, Ли Чанъгэ бросился вперед, прижал плечо императора к полу и заломил ему руку за спину. Канси изо всех сил пытался вырваться, сжимая зубы. Ли Чанъгэ, уступая ему в силе, едва не упустил момент, испугавшись, что тот сейчас вырвется.

Вспомнив приемы, которым его вчера учил Хай Дафу, Ли Чанъгэ уселся Канси на спину, пытаясь придавить его своим весом, и попытался нащупать точки на пояснице, чтобы лишить того сил. Но он не знал точного расположения точек, поэтому после нескольких неудачных попыток Канси воспользовался моментом, вырвал руку, схватил Ли Чанъгэ за предплечье и с громким криком перебросил его через себя.

— Ой... — Ли Чанъгэ покатился по полу, морщась от боли.

Канси, не теряя времени, словно разъяренный леопард, бросился на него. Ли Чанъгэ показалось, что перед глазами все поплыло, будто его подхватил вихрь — голова закружилась, он потерял равновесие. Не успел он встать на ноги, как Канси намертво вцепился в него. Его сильные руки, словно стальные тиски, сковали движения Ли Чанъгэ. Тот пытался вырваться, но

понял, что силы неравны.

Канси не проявлял жалости. В его глазах светилось торжество. Собрав всю мощь, он с силой швырнул Ли Чаньгэ об пол. У того кости затрещали. Глядя на самодовольного императора, Ли Чаньгэ разозлился, преодолевая боль, перевернулся и сел.

— Еще раз!

Они снова сцепились. Канси ударил локтем в грудь и зажал ноги Ли Чаньгэ своими, выкрикнув:

— Сдаешься?

У Ли Чаньгэ от удара в ребрах заныло, но он, сжав кулак, ударил Канси в бок и прохрипел:

— Не дожدهшься!

Канси, торжествуя победу, внезапно почувствовал резкую боль в пояснице. Силы мгновенно покинули его, и он скатился с Ли Чаньгэ. Тот не упустил шанса: быстро перевернулся, обхватил шею Канси руками, сдавливая ее так, что на тонкой коже вздулись вены, и зажал его ноги своими.

— Сдаешься? Быстро сдавайся! — Ли Чаньгэ улыбался, с его лба градом катился пот, и в этом облике было столько юношеской энергии.

Канси, задыхаясь, чувствовал, как немеет поясница. Гордость не позволяла ему признать поражение, и он, упрямо вытянув шею, выдавил:

— Не... не сдамся.

Ли Чаньгэ приподнял бровь. Ну надо же, едва дышит, а все туда же! Вспыльчивый характер взял верх, и он сжал руки сильнее. Канси начал отчаянно хлопать его по рукам.

— Кхе... кхе-кхе... отпусти...

Ли Чаньгэ опустил взгляд и, увидев, как побелело лицо маленького императора, разжал пальцы — побоялся, что и вправду придушит. Да и не хотелось возиться с ребенком. Он оттолкнул Канси от себя.

— Хе-хе, ну что, признаешь?

Канси перекатился на спину и, раскинув руки, лежал на красном ковре, жадно хватая ртом воздух.

— Фух... ха... сегодня... сегодня ты победил... — говорил он, делая паузу после каждого слова. Немного отдышавшись, он добавил: — Твой прием был хорош. Но не радуйся раньше времени. Сегодня тебе просто повезло. Я не признаю поражения, завтра снова сойдемся, и тогда ты у меня запросишь пощады.

Ли Чанъгэ не ожидал, что знаменитый император Канси в юности был таким маленьким гордецом. Спорить он не стал, лишь улыбнулся:

— Хорошо, не признаешь — твое право. Вечером я выучу у наставника новый прием, и завтра снова тебя одолею. Посмотрим, признаешь ли ты поражение тогда.

Канси удивился, узнав, что у Ли Чанъгэ есть наставник, и немного занервничал — завтра проигрывать нельзя. Но виду не подал:

— Хм, кто кого! У меня... у меня тоже есть наставник. Завтра увидишь, как я уложу тебя новыми приемами.

Затем они еще немного поболтали, отдыхая, попивая чай и перекусывая. Ли Чанъгэ, выросший в современном мире, знал немало историй и всяких диковинных вещей, так что легко находил общий язык с юным Канси.

Когда пришло время расходиться, о вчерашнем споре никто не вспомнил. Канси молчал, а Ли Чанъгэ не был настолько глуп, чтобы напоминать.

Так и потянулись дни: азартные игры, драки с Канси, прогулки — жизнь текла легко и безмятежно. Пару дней назад он нашел возможность поговорить с братьями Вэнь, благодаря чему успешно попал в Шаншуфан, куда каждый день наведывался в час обезьяны в поисках Сутры сорока двух глав.

Однако найти ее все никак не удавалось. Хай Дафу постоянно подгонял его, а во время тренировок, когда Ли Чанъгэ должен был разбирать приемы Сяо Сюаньцзы, тот отыгрывался на нем по полной.

Ли Чанъгэ, впрочем, извлекал из этого выгоду, перенимая у старого евнуха немало приемов. А благодаря обильной мясной пище и целебной воде из своего пространства, он становился крепче, а его рост заметно увеличился.

Эту воду он называл Живой водой. Ежедневная порция постепенно открывала ему ее удивительные свойства. Во-первых, она обострила его чувства и очистила организм: кожа стала гладкой, с легким румянцем, тело — крепким и жилистым, даже проступили кубики пресса, а дух стал бодрее. Правда, чтобы добиться эффекта очищения костного мозга, нужно было выпить сразу больше двух литров, что было непросто.

Больше всего его беспокоило другое: по утрам приходилось обливаться ледяной водой, чтобы усмирить мужской пыл. Ли Чанъгэ понимал: если кто-то, кроме Хай Дафу, узнает, что он не

настоящий евнух, его либо кастрируют по-настоящему, либо просто убьют.

Было и еще кое-что — белая субстанция, похожая на молоко, которую он назвал Эссенцией. Ее было очень мало, он пробовал лишь капельку. После этого наступало такое прояснение в уме, а тело наполнялось такой силой, что казалось, будто он может убить быка одним ударом. Конечно, это было лишь иллюзией, вызванной резкими переменами в организме. Зато когда Хай Дафу избивал его, достаточно было капли Эссенции, чтобы боль исчезла.

Ли Чанъгэ берег ее как зеницу ока. Обычно ему хватало и Живой воды, поэтому он нашел пять маленьких нефритовых флаконов и разлил в них Эссенцию из каменной чаши. Половины чаши хватило лишь на два флакона по двадцать миллилитров, остальное едва покрыло дно третьего.

Теперь ему оставалось только ждать и наблюдать, как быстро эта Эссенция будет вырабатываться снова.

<http://bllate.org/book/19451/1907795>